

Боже мой! что тутъ подѣлалось и съ казначеемъ, и со всей частью единомысленной ему братіей! Рѣкой полились на меня укоризны, ругательства—словомъ въ трапезной воцарился полный хаосъ...

— „Вотъ явился въ нашъ вѣкъ какой ревностный преподобный! Ахъ, ты мальчишка!“ — раздались гнѣвные восклицанія: „что ты? начальникъ что-ли нашъ? Изъ молодыхъ, братъ, да хочешь быть раннимъ“!..

— „Яйца что-ли куръ учать?“—кричалъ на меня казначей: „еще насъ учить вздумалъ! Да какъ ты смѣлъ это при мнѣ сказать всей братіи?“

Я воспользовался мгновеніемъ затишья ихъ ярости и громко сказалъ:

— „Вы слышали, что я сказалъ и какъ сказалъ. Теперь мое дѣло—молчать, а ваше—или исполнить мою просьбу, или держаться своихъ правилъ“...

Опять поднялась противъ меня буря, но я уже молчалъ до самаго конца трапезы и ото всего сердца молился за нихъ Богу.

Не прошло мнѣ это даромъ, и вскорѣ ризничій донесъ на меня отцу игумену, что онъ замѣчалъ неоднократно, какъ я, оставаясь одинъ въ алтарѣ, становлюсь противъ Престола на священническомъ мѣстѣ, преклоняю колѣни, цѣлую Престолъ, беру съ Престола Крестъ и Евангеліе, цѣлую ихъ и потомъ будто даже касаюсь святаго Ковчега и беру изъ него для цѣлованія въ руки Святое Тѣло и Кровь Господню. Отецъ игумень призывалъ меня къ себѣ и началъ мнѣ дѣлать строгое замѣчаніе въ присутствіи ризничаго, который даже при мнѣ не постѣснялся подтвердить взведенную на меня клевету.

„Не смѣю я много оправдываться и увѣрять васъ, отецъ игумень, въ своей невинности“, сказалъ я: „но попрошу васъ, отецъ игумень, приказать ризничему пойти со мной въ Троицкій храмъ и подтвердить свои слова передъ иконой Одигитрии, и если его не постигнетъ въ эти же минуты судъ Божій, тогда признайте меня виновнымъ“.

Но отецъ игумень велѣлъ мнѣ оставить это дѣло безъ послѣдствій, а спустя нѣкоторое время, убѣдившись какимъ-то образомъ, что я былъ оклеветанъ, самъ у меня просилъ прощенія въ томъ, что повѣрилъ клеветѣ, по злобѣ на меня взведенной.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МОНАХЪ ІОАННЪ.

(На добрую память о Ванѣ).

30 Января 1907 года въ Заоникіевской пустыни Вологодскаго уѣзда скончался и тамъ же погребенъ монахъ Іоаннъ, въ мѣрѣ

Иванъ Ефимовичъ Смирновъ, 50 лѣтъ отъ роду, извѣстный среди знавшихъ его людей болѣе подъ именемъ *Вани*.

Такъ какъ въ городѣ Вологдѣ и за предѣлами его весьма многіе знали Ивана Ефимовича и относились къ нему съ глубокимъ уваженіемъ, такъ какъ человѣкъ этотъ дѣйствительно имѣлъ замѣчательныя нравственныя качества, привлекавшія къ нему искреннее расположеніе, то грѣшно было бы съ молчаніемъ отнестись къ кончинѣ его. Со смертію Ивана Ефимовича не должна исчезнуть память о немъ. Знающіе о кончинѣ его уже молятся объ упокоеніи души его; будутъ молиться и тѣ, которые получаютъ печальную вѣсть о смерти его. Теперь же, когда Иванъ Ефимовичъ удалился въ жизнь вѣчную, умѣстно сказать, во всеобщее свѣдѣніе, все, что извѣстно намъ изъ жизни его.

Иванъ Ефимовичъ былъ сынъ бѣдныхъ крестьянъ С.-Петербургской губ. Шлиссельбургскаго уѣзда, Ефима и Надежды Смирновыхъ, впослѣдствіи служившихъ у С.-Петербургскаго купца Сивохина—отецъ кучеромъ, мать кухаркою. Отъ самого рожденія онъ имѣлъ слабое тѣлосложеніе и другіе природныя недостатки и къ самостоятельному труду былъ совсѣмъ неспособенъ. Родители хотѣли было помѣстить сына своего въ богадѣльню, но онъ рѣшительно отказался идти туда, и промыслъ Божій указалъ ему другой путь. Съ купцомъ Сивохинымъ былъ знакомъ Игумень Серафимъ, настоятель Владимірской Заоникіевской пустыни, Вологодской губерніи, который при поѣздкахъ въ С.-Петербургъ посѣщалъ домъ Сивохина и здѣсь познакомился съ семействомъ Смирновыхъ. Когда мальчику было 15 лѣтъ, отецъ попросилъ игумена взять сына въ обитель и въ качествѣ взноса за него предложилъ 100 руб. Игумень принялъ участіе въ положеніи мальчика и взялъ его съ собою. Такъ Иванъ Ефимовичъ оказался въ Заоникіевской пустыни на попеченіи о. Серафима, впослѣдствіи Архимандрита. Но монастырь не былъ мѣстомъ постоянного жительства Ивана Ефимовича. Нѣкоторые изъ обывателей г. Вологды, отстоящей отъ монастыря въ 14 верстахъ, посѣщавшіе обитель, полюбили мальчика и иногда увозили его въ городъ. Вологда такъ понравилась ему, что онъ очень рѣдко возвращался въ монастырь, и только по прошествіи многихъ лѣтъ чаще посѣщалъ его, оставаясь здѣсь на болѣе продолжительное время; послѣ постриженія въ рясофоръ съ благословенія бывшаго Преосвященнаго Вологодскаго Алексія, жилъ въ монастырѣ до кончины своей.

Такимъ образомъ, вологжане знали Ивана Ефимовича болѣе 30 лѣтъ; а такъ какъ онъ началъ бывать въ городѣ въ возрастѣ мальчика, то всѣ называли его простымъ именемъ *Ваня*, которое и оставалось за нимъ до послѣднихъ дней его жизни. Постояннаго мѣстожительства въ городѣ Ваня не имѣлъ. Было

у него нѣсколько излюбленныхъ домовъ, въ которыхъ онъ обыкновенно находилъ себѣ пристанище, но на продолжительное время ни въ одномъ домѣ не оставался: поживеть одинъ или два—три дня въ одномъ домѣ и уходитъ въ другой; весьма рѣдко оставался въ одномъ мѣстѣ на нѣсколько недѣль. Ваню всюду принимали весьма ласково, всегда рады были его посѣщенію; при встрѣчѣ приглашали къ себѣ, многіе готовы были въ домѣ своемъ дать ему постоянное помѣщеніе со всѣми жизненными удобствами; но онъ, видимо, уклонялся отъ такихъ предложеній, потому что никого не хотѣлъ стѣснять своимъ продолжительнымъ присутствіемъ, избѣгая малѣйшихъ поводовъ къ какому либо неудовольствію противъ него. Все это прекрасно сознавалось всѣми и потому-то въ общемъ расположеніи къ нему въ средѣ его почитателей сохранялась, дѣйствительно, неизмѣнная ровность, не омрачавшаяся малѣйшею тѣнью недовольства. Его можно было только любить и другое отношеніе къ нему было не мыслимо. Самый внѣшній видъ его и внѣшній образъ дѣйствій невольно возбуждали сочувствіе и уваженіе къ нему.

Иванъ Ефимовичъ отъ природы не имѣлъ полного физическаго развитія; не высокаго роста, худощавый, не твердый на ногахъ и нѣсколько прихрамывавшій, онъ не имѣлъ вида возмужалости и фізіономія его постоянно сохраняла обликъ юношеской незрѣлости; въ довершеніе физической неразвитости, онъ имѣлъ совсѣмъ слабый даръ слова: могъ произносить внятно очень немногія слова, а вся остальная рѣчь его состояла изъ полусловъ, или неотчетливыхъ звуковъ, такъ что только близко знавшіе его могли понимать, что говорилъ онъ. Внѣшнія дѣйствія его носили отпечатокъ дѣтской простоты и наивности. Никого онъ ничѣмъ не оскорблялъ, ни на кого не гнѣвался; если уличные шалуны дѣлали ему какія либо непріятности, онъ молча уходилъ и на будущее время въ тѣхъ мѣстахъ старался не показываться. Очень любилъ дѣтей маленькихъ, которыя въ свою очередь отвѣчали ему своимъ расположеніемъ, и, посѣщая семейства, съ удовольствіемъ раздѣлялъ съ дѣтьми игры и забавы, сяди на полу; но сохранялъ при этомъ внушительный видъ и непристойныя шалости дѣтей всегда останавливалъ. Особенно интересовало дѣтей показываніе по вечерамъ тѣней на стѣнѣ при помощи пальцевъ, которыя онъ выполнялъ художественно, такъ что и взрослыхъ приводилъ въ удивленіе; его тонкіе пальцы настолько были гибки, что могли пригибаться къ рукѣ въ обратную сторону ладони; отъ того тѣни на стѣнѣ двигались быстро и складывались въ разныя картины превосходно. Безъ дѣла сидѣтъ Ваня не любилъ; или разговаривалъ, или, попросивши бумаги, писалъ карандашемъ разныя рисунки и исписывалъ по нѣсколько листовъ; рисовалъ обыкновенно предметы церковной утвари, но

никогда не брался за писаніе иконъ. Внутреннія желанія свои Ваня всегда высказывалъ откровенно: придетъ въ домъ къ знакомымъ и, если хочеть ѣсть, скажетъ, что не обѣдалъ; если нужны были деньги, скромно попросить и только у близко знакомыхъ ему; но, замѣчательно, никогда не употреблялъ эти деньги на покупку какихъ либо вещей для себя, а обыкновенно уносилъ ихъ въ храмъ на свѣчи предъ Св. Иконами, или раздавалъ нищимъ. Безкорыстіе его было полное. Считать деньги онъ не умѣлъ и долго не держалъ у себя; придетъ, бывало достанетъ изъ кармана подаренный кѣмъ либо кошелекъ и попроситъ сосчитать, сколько тамъ денегъ; придетъ на другой день,—и ни денегъ, ни кошелька уже нѣтъ; все отдано въ храмъ и нищимъ. Къ характернымъ особенностямъ внѣшняго поведенія его относилась еще чистоплотность. Не любилъ онъ одежды и обуви грязной или разорванной и постоянно былъ одѣтъ и обутъ опрятно и прилично. Однако и въ этомъ отношеніи не замѣтно было ни малѣйшаго пристрастія къ внѣшнимъ вещамъ, какъ не было никакого пристрастія къ деньгамъ. Потребуется чистое бѣлье, — придетъ къ знакомымъ и заявитъ свою нужду; потребуется замѣнить обувь или одежду болѣе приличными,—и на эту нужду свою очень скромно укажетъ и никогда не было ему отказа. Зная эту особенность, многіе старались предупредить его скромныя просьбы и намеки и считали для себя приятнымъ долгомъ предложить ему разныя вещи. Въ знакомыхъ домовъ онъ никогда ничего не просилъ.

Но сама по себѣ привлекательная внѣшняя, дѣтски наивная простота, полнѣйшая дѣтская безхитрость соединялись съ незамѣтными нравственными качествами. Въ слабомъ тѣлѣ заключался высокій христіанскій духъ. Не получивши никакого систематическаго воспитанія, какъ птица небесная, скитавшійся изъ одного дома въ другой, бывшій постоянно, такъ сказать, открытымъ для окружавшей среды съ ея разнообразными не добрыми только, но и недостойными и соблазнительными явлениями, Иванъ Ефимовичъ своею дѣтскою впечатлительною душою, своимъ сердцемъ воспринималъ и усвоялъ только хорошіе примѣры, явленія же нротивоположнаго характера нисколько не увлекали его. Его личность воплощала цѣльную, неиспорченную духовную натуру. Никогда онъ никого не осуждалъ; незлобіемъ обладалъ полнымъ; открытый, прямой и добродушный взоръ его обнаруживалъ совершенную безхитрость и отсутствіе всякаго лицемерія.

(Окончаніе слѣдуетъ).

МОНАХЪ ІОАННЪ.

(На добрую память о Ванѣ).

(Окончаніе).

Особенно поразительна была его религіозная настроенность. Въ этомъ отношеніи онъ положительно опередилъ свою дѣт-

скую наивность и физическіе недостатки и являлся челоѣкомъ взрослымъ и съ высокою душою. Для посторонняго наблюдателя религія его была религіею чувства; при физической неспособности обнаруживать свои мысли внѣшнимъ образомъ посредствомъ правильной послѣдовательной рѣчи, онъ не могъ словами выражать и свои религіозныя расположенія. Но стоило только внимательно присмотрѣться къ внѣшнимъ дѣйствіямъ, прислушаться къ краткимъ словамъ его, — и весьма отчетливо выяснялось, насколько онъ былъ проникнутъ высокою религіозностію. Придетъ, бывало, къ знакомымъ за нѣсколько дней до наступленія какого либо двенадесятаго праздника и начнетъ пѣніе сходное съ напѣвомъ праздничнаго тропаря, произнося только своеобразныя два—три слова, и спроситъ: „Когда?“, чтобы сказали ему, черезъ сколько дней будетъ праздникъ. Въ храмъ Божій къ Богослуженіямъ онъ ходилъ почти каждый день; къ Литургіи приходилъ во время совершенія проскомидіи и всегда подходилъ къ жертвеннику съ просфорою, чтобы священникъ помянулъ тѣхъ лицъ, имена которыхъ онъ самъ называлъ. Въ великій постъ исповѣдался и причащался Св. Таинъ почти каждую недѣлю. Въ храмѣ молился усердно и особенно любилъ стоять въ алтарѣ. Нерѣдко, когда священникъ читалъ молитвы, Ваня бралъ служебникъ въ руки и дѣлалъ усердные поклоны. Предъ употребленіемъ пищи и по окончаніи постоянно молился; утромъ и особенно вечеромъ предъ сномъ стоялъ на молитвѣ довольно долго, произнося между прочимъ имена членовъ семейства, которое онъ посѣщалъ, и имена другихъ своихъ знакомыхъ, а въ комнатѣ, гдѣ приготовлялась ему постель, всегда просилъ зажигать лампаду предъ иконами. Часто бывали у него моменты проявленія религіозности неожиданные: сидя за столомъ съ знакомымъ, занимающимся чтеніемъ, или другимъ дѣломъ, встанетъ и, указывая на иконы, начнетъ молиться; кто хорошо понималъ его, кто зналъ высокія нравственныя качества его души, тотъ сразу подчинялся его указанію и проникался религіознымъ чувствомъ и желаніемъ молиться вмѣстѣ съ нимъ. Очень любилъ Иванъ Ефимовичъ вспоминать лицъ духовнаго званія, которыя произвели на него особое впечатлѣніе своими пріемами при Богослуженіи. Сидитъ, бывало, съ обычнымъ своимъ чистымъ, открытымъ взглядомъ, — и вдругъ скажетъ громко: „Поюше, воніюше“, а потомъ спроситъ: „гдѣ?“ Понимавшій его сейчасъ же догадывался что рѣчь идетъ объ о. Іоаннѣ Кронштадскомъ, и долженъ былъ сказать, гдѣ онъ теперь находится. Или еще: совершенно неожиданно спроситъ „гдѣ покаяніе, покаяніе?“ и нужно было отвѣтить, что о. Палладій теперь уже архимандритъ, находится въ Могилевѣ; затѣмъ на такой же вопросъ черезъ годъ, нужно было сказать, что о. Архимандритъ Палладій теперь живетъ въ

Москвѣ, или: О. Палладіи теперь уже не архимандритъ, а Архіерей и живетъ въ Вольскѣ. Такими отвѣтами Ваня оставался очень доволенъ, потому что нравились ему возгласы О. Иоанна Кронштадтскаго нѣсколько разъ служившаго Литургію въ Вологодскомъ Спасовсеградскомъ соборѣ: также произвели на него глубокое впечатлѣніе импровизированныя проповѣди Пресвященнѣйшаго Палладія (нынѣ Епископа Вольскаго, Викарія Саратовскаго) въ то время, о. Палладій былъ еще въ санѣ іеромонаха преподавателемъ дух. семинаріи въ г. Вологдѣ. Всякій, кто зналъ и изучилъ Ивана Ефимовича, долженъ съ убѣжденіемъ сказать, что онъ былъ человѣкъ праведный. По неисповѣдимымъ дѣйствіямъ Промысла Божія родился онъ съ недостатками физической природы, но при этихъ недостаткахъ сильнѣе выступали высокія нравственныя качества его души, производившія на другихъ глубокое доброе впечатлѣніе. — Если Господь умудряетъ слѣпцовъ, если даже для провозвѣщенія людямъ своихъ высочайшихъ откровеній избиралъ людей простыхъ и незнатныхъ по званію и положенію, то и въ Иванѣ Ефимовичѣ можно было видѣть избранника Божія, который жилъ жизнію во Христѣ и стяжалъ близость къ Богу, источнику духовнаго свѣта. Все это подтверждается многими фактами прозорливости, которую Иванъ Ефимовичъ проявлялъ въ самой простой формѣ, нерѣдко въ одномъ, или въ двухъ—трехъ словахъ. Иногда придетъ онъ къ знакомымъ и скажетъ, что у него голова болитъ, или другимъ чѣмъ нездоровъ; на другой же день у лица, которому онъ такъ сказалъ, появлялась соответствующая болѣзнь, такъ что изучившему приемы его объясненій приходилось въ подобныхъ случаяхъ говорить: „знаю, что не о себѣ, а обо мнѣ ты говоришь“. Познакомившись съ однимъ новымъ для него семействомъ, онъ вскорѣ пришелъ второй разъ послѣ перваго посѣщенія и, не знаяши ничего о занятіяхъ и дѣлахъ членовъ, сказалъ матери семьи: „панаша много принесетъ денегъ“. Черезъ нѣсколько часовъ возвращается мужъ и подаетъ женѣ довольно значительную сумму денегъ, которую онъ совсѣмъ неожиданно получилъ. Изъ того же семейства мать съ двумя дѣтьми уѣзжала однажды на нѣсколько мѣсяцевъ въ другую губернію. Мужъ оставался въ Вологдѣ. Когда ожидалось возвращеніе семейства, вдругъ получается отъ матери письмо съ извѣстіемъ, что на обратномъ пути сынъ сильно заболѣлъ и она вынуждена была остановиться въ уѣздномъ городѣ для леченія, за невозможностію продолжать поѣздки. Во время чтенія письма сидѣлъ и Иванъ Ефимовичъ и внимательно смотрѣлъ на лицо читавшаго письмо. Мужъ сильно былъ огорченъ извѣстіемъ, но, докончивши чтеніе письма, пока ни слова не сказалъ своему собесѣднику. Тогда Иванъ Ефимовичъ, замѣтивши это смущеніе, сказалъ: „Герасиму“. Смысль

слова этого былъ ясенъ: на другой же день утромъ мужъ отправился въ храмъ преподобнаго Герасима Вологодскаго и предъ ракою Угодника Божія отслужилъ молебствіе. Къ вечеру того же дня пришла телеграмма о томъ, что сынъ теперь здоровъ и семейство отправилось въ путь. Совсѣмъ не въ случайномъ стеченіи обстоятельство нужно искать объясненіе указанныхъ и другихъ многочисленныхъ примѣровъ изъ жизни Ивана Ефимовича. Хорошо знавшіе натуру этого замѣчательнаго человѣка, въ одинъ голосъ скажутъ, что устами его говорила сила высшая, благодатная.

Цѣнные факты въ этомъ отношеніи изъ жизни Ивана Ефимовича сообщаетъ одинъ о. игуменъ. Изъ Вологды, рассказываетъ онъ, Ваня часто посѣщалъ ту обитель, гдѣ о. игуменъ ранѣе былъ казначеемъ. Когда Ваня приходилъ къ нему въ послѣдній разъ, то все плакалъ. О. казначей спросилъ его: о чемъ ты, Ваня, плачешь? Онъ обнялъ о. казначея и затѣмъ, сказалъ: „Тебя далеко; тамъ комнаты худыя“. Словамъ этимъ о. казначей не придавалъ тогда никакого значенія. Но скоро послѣ того (спустя мѣсяць или два) онъ узналъ отъ о. настоятеля Архимандрита Анатолія, что его назначили настоятелемъ въ отдаленный захудалый монастырь. Сколько ни просилъ о. казначей владыку оставить его на прежнемъ мѣстѣ, просьба его осталась безъ удовлетворенія; нужно было отправляться въ новое далекое мѣсто. „Тогда-то я вспомнилъ, говорить о. игуменъ, слова Вани, разыскалъ его, рассказалъ ему объ этомъ и прибавилъ: вотъ, Ваня, правду ты сказалъ мнѣ, что „Далеко меня“. Онъ сквозь слезы отвѣтилъ: „не долго тамъ“. Исполнились слова Вани относительно комнатъ. Въ монастырѣ оказались однѣ лишь развалины.

Когда о. игуменъ былъ переведенъ изъ отдаленнаго монастыря на должность настоятеля въ другой, здѣсь однажды загорѣлся въ нижнемъ этажѣ братскаго корпуса потолокъ и въ настоятельской комнаты нашло много дыма. Ваня въ это время былъ въ деревнѣ у престарѣлой сестры о. настоятеля; вдругъ онъ говоритъ ей: „чадно, у игумена голова болитъ“, и началъ молиться. Сестра не поняла, что это значитъ; въ монастырѣ между тѣмъ все обошлось благополучно; тогда-то разъяснился смыслъ словъ Вани и всѣ были удивлены прозорливостію его.

Одна женщина, беременная первымъ ребенкомъ, спросила у Вани: кого дастъ ей Богъ? Онъ отвѣчалъ: „Колю“. Наканунѣ дня 6 декабря у женщины родился ребенокъ, названный Николаемъ.

Помянутый о. игуменъ сообщаетъ свѣдѣніе о случаѣ изъ времени войны съ Японцами. Взятъ были на войну келейникъ Павелъ и племянникъ его Василій. Ваня первому изъ нихъ ска-

заль, что онъ будетъ у русскихъ, а второй—не у русскихъ, и тому и другому вмѣстѣ—оба они возвратятся съ войны невредимы. Слова Вани сбылись. Павелъ пробылъ 13 мѣсяцевъ въ войскѣ въ Самарѣ, а Василій былъ въ битвахъ съ Японцами, и оба они возвратились на родину невредимыми.

Съ увѣренностію можно сказать, что многочисленные другіе знакомые Ивана Ефимовича знаютъ много подобныхъ случаевъ прозорливости его, которые впоследствии, быть можетъ, объявлены будутъ во всеобщее свѣдѣніе ¹⁾.

Предъ смертію, говорить о. игумень, монахъ Іоаннъ пожелалъ недолго и до самой кончины разговаривалъ. Скончался онъ тихо и какъ истинный хрістіанинъ; пособоровался и много разъ причастился Св. Таинъ и въ послѣдній разъ—за 15 минутъ до смерти; попросилъ у о. Игумена теплоты, немного отпилъ и обнялъ его: „тебѣ тяжело?“ спросилъ Игумень; „нѣтъ“, отвѣчалъ онъ. А меня не жалко тебѣ?“ „Жалко“, было послѣднее слово умирающаго. Скончался монахъ Іоаннъ 30 января 1907 года въ 10 часовъ утра. Погребеніе торжественно совершено 1 февраля Настоятелемъ 4 іеромонахами и 2 іеродиаконами; мѣсто погребенія—на монастырскомъ кладбищѣ противъ алтаря придѣла Преподобнаго Іосифа, рядомъ съ могилою схимника Арсенія, котораго усопшій зналъ хорошо. Это мѣсто монахъ Іоаннъ самъ избралъ и просилъ настоятеля здѣсь похоронить его. На погребеніи были многіе почитатели усопшаго изъ окрестныхъ селеній и изъ г. Вологды.

Такъ протекла жизнь благочестиваго Ивана Ефимовича въ Вологодскомъ краѣ. 50 лѣтній возрастъ не оставилъ почти никакого отпечатка на его лицѣ. Оно почти неизмѣнно сохранило юношески-дѣвственный видъ, съ какимъ онъ явился въ Вологду 35 лѣтъ тому назадъ. О жизни своей до прибытія въ Вологду онъ никогда почему-то не говорилъ, только твердо помнилъ имя своей, умершей еще до отъѣзда его въ Вологду, матери Надежды, которое онъ всегда внятно произносилъ, когда подавалъ на жертвенникъ просфору; имя отца не произносилъ, вѣроятно, потому, что не умѣлъ выговаривать его. Взятый изъ родной семьи, въ раннемъ возрастѣ и привезенный въ чужой край, онъ однако полюбилъ Вологду и никогда не скучалъ о Петербургѣ, и та искренняя любовь, которую онъ приобрѣлъ въ средѣ вологжанъ своими высокими нравственными качествами, свидѣтельствуешь о томъ, что онъ производилъ одно только доброе вліяніе въ странѣ, гдѣ нашелъ для себя вторую родину. И пусть никогда не из-

¹⁾ Просимъ читателей сообщать подобные случаи въ „Церковное Слово“ Редакція.

гладится память о праведномъ мужѣ. Добраго человѣка нельзя не вспомнить добрымъ словомъ и добрымъ именемъ.

Пр. К.